

Олег Бореко

ПИМКИ
"ДОЖДЬ ИЗ ИСКР"

Вселенная "ПИМ-Стар"

Книга 6

Олег Бореко

Вселенная "Пим-Стар": Книга 6. Пимки. "Дождь из искр"

<https://litres.ru/74388992>

SelfPub; 2026

Аннотация

ФИНАЛ ТРИЛОГИИ. ТО, РАДИ ЧЕГО МЫ ЖДАЛИ.

Вы помните тот миг? Лова нёс игрушку к Краю. Скукла просыпался. Вселенная замерла на волоске

Теперь всё решится.

Пока Лова совершает последний рывок сквозь тайные тропы, команда «Блинчика» попадает в ловушку. Пояс Графитовой Тоски — место, где умирают надежды. Серый туман высасывает волю, превращая героев в безвольные тени. Смогут ли они выбраться из собственных сомнений?

А на Пим-Старе уже готовят встречу. Генерал Круп произносит речь. Бульк получает орден. Все ждут одного — возвращения.

Но самое грандиозное впереди. Тот самый дождь. Дождь из искр, который изменит всё. И обещание, которое свяжет два мира навсегда.

Это история о том, что даже самая древняя тоска может быть исцелена добротой. Что дружба сильнее любых расстояний. И что иногда, чтобы обрести дом, нужно сначала потерять всё.

Закрывайте последнюю страницу с улыбкой. Но помните: история никогда не заканчивается. Она просто делает паузу, чтобы начаться снова..

Содержание

КНИГА ШЕСТАЯ - «ПИМКИ. ДОЖДЬ ИЗ ИСКР»	5
ГЛАВА 2: ИСПЫТАНИЕ СЕРОСТЬЮ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олег Бореко
**Вселенная "Пим-
Стар": Книга 6. Пимки.**
"Дождь из искр"

**КНИГА ШЕСТАЯ - «ПИМКИ.
ДОЖДЬ ИЗ ИСКР»**
**ГЛАВА 1: ПОСЛЕДНИЙ
РЫВОК К КРАЮ**

Часть 1:

Путь Проводника

Пузырь Лова мчался.

Он мчался не так, как носятся Отважные курьеры — с рёвом двигателей и вихрем радужных следов. Его полёт был беззвучным скольжением, втягиванием и выталкиванием самого пространства. Он пробирался по тайным тропам мироздания — тем самым, что известны лишь самым древним и беззвучным странникам. Это были не порталы, а скорее естественные складки реальности, мягкие и переливающиеся, как шёлк забытых снов.

Он пронёсся сквозь Рощу Поющих Кристаллов. Мириады прозрачных стеблей, растущих прямо из вакуума, мелодично звенели, едва он касался их бархатистой оболочкой.

«Помню, как я гонялся тут за эхом, — подумал Лова, и его тело окрасилось в ностальгический персиковый цвет. — Я пытался поймать отзвук своей собственной мелодии. Было так весело и... одиноко».

Тогда он был просто любопытным пузырьём-ребёнком, для которого весь космос был огромной, сверкающей игрушкой.

Затем — Море Жидкого Золота. Не огненная лава, а тёплые, тягучие волны чистой энергии блаженства. Они омыли его, и каждая клеточка его пузырьковой сущности наполнилась миром.

«Я мог часами лежать на этих волнах, слушая, как поют далёкие квазары, — вспоминал он. — Я думал, что так будет всегда. Что я — просто вечный, счастливый наблюдатель».

Но теперь он нёс не просто любопытство. Он нёс груз, который был тяжелее любой звезды. Внутри него, в самом ядре его существа, тихо пульсировала вещь. Вязанный осьминожек. Личная игрушка Скуклы. Лова чувствовал её тихую, древнюю печаль, смешанную с едва уловимым отголоском надежды — как забытый запах дома.

«Я большие не наблюдатель, — решительно подумал он, и его прозрачная оболочка заиграла стальным отблеском решимости. — Я... проводник. И это даже круче».

Он мчался вперёд, к Краю всего сущего, к колыбели вселенской тоски. Он вёл домой потерянную часть души того, кто даже не знал, что у него есть душа. И в этом полёте маленький, вечно бодрствующий пузырь впервые за свою долгую жизнь чувствовал себя по-настоящему цельным.

Часть 2:

Друзья в Царстве Печали

Чувство наступило раньше, чем зрение. Оно пришло не через щупальца-антенны, а прямо в сердцевину Ловы. Это была не пустота. Пустота — это когда ничего нет. А здесь было *всё*. Всё, что когда-либо было утрачено, забыто, о чём перестали мечтать. И всё это дышало одной, всепоглощающей, беззвучной печалью.

Лова достиг Края.

Не было обрыва, пропасти или стены. Было чувство. Воздух — если это был воздух — стал густым и леденяще холодным. Он дрожал от едва уловимых вибраций. Это шёптали Ловцы. Их шёпот был полон отчаяния и усталой, автоматической заботы.

Раньше их вибрации леденили Лову, заставляя сжиматься от страха. Теперь он узнавал в них нечто иное. Он слушал, растягивая свою оболочку, чтобы уловить нюансы.

«Они... как старшие братья, которые слишком устали, но всё равно делают своё дело, — пронеслось у него внутри. — Они обещали защищать мой дом. Значит, они — свои. Они на страже, а я — посол с миром».

Он не стал прятаться или медлить. Он послал им на встречу не просто ноту, а целую мелодию — ту самую, весёлую и озорную, которую он сочинил, играя с пимками в «футбол» в Трубе Эхо на Пим-Старе. Несколько переливчатых, прыгающих звуков, сложившихся в что-то вроде: *«Тра-та-та-тум! Я свой!»*

Пространство перед ним заколебалось. Из складок реальности, словно из тумана, выплыли трое. Ловцы Пульсирующих Материй. Их формы были непостоянны: струящееся полотно, мерцающая арфа, живое зеркало. Они не нависли угрозой. Они замерли в изумлении. Их вибрации, полные тревоги и готовности к обороне, на секунду сменились на мягкие, вопросительные.

Один из них — Тот, Кто Ткёт Безмолвие — медленно протянул к Лове полупрозрачный «луч», похожий на щупальце света из северного сияния. Он коснулся его оболочки.

Вибрация, которая донеслась до сознания Ловы, была не звуком, а сложным, мгновенным ощущением:

«Маленький... храбрый... друг? Узнаём резонанс... но ты изменился. Зачем? Опасность велика. Сон трещит».

Лова не отпрянул. Он наполнил всё своё тело тёплым, уверенным жёлтым светом и послал ответную волну, полную

образами и чувствами: образ вязаной игрушки внутри него, чувство ответственности, отголосок смеха пимков и беззвучное, но ясное намерение — *«Я принёс то, что потеряно. Чтобы вы могли, наконец, отдохнуть»*.

Ловцы замерли в своём вечном, медленном танце. Их троица сомкнулась вокруг Ловы, не сжимая, а скорее заключая в защитный круг.

Их общий ответ был прост и понятен:

«Друг. Проходи. Мы создадим тишину для твоего шага. Удачи, маленький храбрый друг».

И в тот самый миг, когда Лова, окрылённый этой странной, беззвучной поддержкой, приготовился ринуться вглубь колышущейся тьмы, по самой ткани Края пробежала слабая, но чёткая дрожь. Это был не вздох Скуклы. Это было эхо. Эхо далёкого, беззаботного смеха, донесшееся сквозь вселенную по невидимым нитям синхронности.

А в это время, за много световых лет от Края, в кабине «Призрачного Блинчика» только что закончился весёлый пир.

Тик, с мордочкой, перепачканной сахарной пудрой, хохотал, глядя на Тука, который пытался поймать ртом последний, уплывающий пончик с вареньем. Зум, улыбаясь, уже тянулась к панели управления, чтобы задать курс домой. Они были счастливы, сыты и абсолютно беспечны. Они и представить не могли, что их смех, их радость завершения — это последние спокойные звуки перед тем, как их корабль на-

кроет молчаливая, серая волна из совсем иного места.

Они не знали, что их друг Лова уже стоит на пороге величайшего испытания в истории мироздания.

Дрожь от того смеха коснулась Ловы. Она была тёплой и знакомой. Он *узнал* этот смех. Это придало ему сил больше, чем любые слова. Он не был один. Где-то там, в светлой и шумной вселенной, его друзья праздновали. А значит, и у него всё получится. Он должен успеть.

Собравшись, сияющий тёплым светом решимости, Лова рванул вперёд, оставляя Ловцов создавать вокруг него кон безмолвия, сквозь который не просочится ни одна лишняя вибрация, чтобы не потревожить спящего гиганта раньше времени.

Часть 3:

Паутина Агонии

Тишина, которую создали Ловцы, была абсолютной, но то, что открылось взору Ловы за ней, оглушало самым своим существованием.

Гигантская Паутина Сновидений. Она раскинулась на всё видимое и невидимое пространство, теряясь в бархатистой черноте Края. Её нити, толщиной с галактические рукава, должны были сиять чистым серебром и глубоким индиго — цветами вечного, здорового сна. Но сейчас их сияние было болезненным, прерывистым. Каждую нить обволакивал и душил дымчатый, тёмный туман — концентрированная, материальная тревога Скуклы. Туман колыхался в такт неров-

ному дыханию спящего, и в его хаотичных движениях читались обрывки кошмаров, от которых цепенела душа.

А в самом центре Паутины, в месте, где сходились все нити мироздания, догорала последняя Искра.

Она была похожа на одинокий огонёк в непроглядной, безвоздушной тьме. Её свет был так слаб, что больше напоминал усталый, предсмертный вздох. И этот вздох, едва родившись, эхом покатился по вселенной.

Лова почувствовал это, всем своим существом. Отзвук той печали был подобен ледяному ветру. Где-то на далёких, незнакомых ему астероидах от этого вздоха треснули скалы. Где-то в тёплых морях загасло свечение глубоководных существ. Волна тоски, тонкая, но неотвратимая, пошла по мирам.

Именно в этот миг, **на борту «Призрачного Блинчика»**, Зум дотронулась до панели. Раздался не гул двигателей, а тихое, равнодушное жужжание отказа. На экране вспыхнули роковые буквы: «ДРЕЙФ. АВТОПИЛОТ ОТКЛ. ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ». Их веселье было мгновенно смыто леденящим ощущением беды. Они не знали, что это «внешнее воздействие» — тот самый вздох угасающей Искры, дошедший до них через пространство. Их беспечность оставила корабль беззащитным перед вселенской меланхолией.

А на Краю Лова видел источник этого зла. Он видел, как от той самой, одинокой Искры, тянется незримая, ядовитая нить прямо в самую гущу тёмного тумана, питая его агонию.

Нужно было действовать. Сейчас.

Часть 4:

Пробуждение и Дар

И тогда Скукла начал просыпаться.

Это было не резкое движение, а медленное, неумолимое шевеление, от которого затрещала вся конструкция мироздания. Его щупальца — каждое из которых могло бы обвить целую звёздную систему — начали напрягаться, вырываясь из плена собственных тревожных снов. От них исходила мощная, слепая вибрация. Это была не ярость, а чистейший, животный страх и боль существа, которое просыпается в крошечной тьме, не помня себя, и чувствует лишь одну вселенскую пустоту там, где должна быть... частичка *дома*.

Тонкая, звёздная ткань Паутины натянулась, затрещала, готовая порваться в тысяче мест и выпустить в ещё не готовые к этому миры хаос чистой, неструктурированной тоски.

«Нет! Не сейчас! Я уже здесь!» — мысленно закричал Лова, и его собственный страх вырвался наружу ослепительной белой вспышкой, на миг прорезав темноту.

Он ринулся вперёд, к самому эпицентру. Лавировать между колышущимися, толстыми, как горные хребты, нитями было смертельно опасно. Они могли запутать, раздавить, разорвать его пузырьковую оболочку, развеять его сознание в прах. Навстречу ему из гущи тёмного тумана поднималась сама тень — пробуждающееся сознание древнего существа, слепое от смятения и страданий.

А в это время, в сердце Пояса Графитовой Тоски, команда «Блинчика» вела свою, тихую войну. Туман Мыслей окутал их, высасывая волю. Зум бессильно смотрела на экран, её разум, острый как бритва, буксовал. Тук сидел, сжимая кулаки, чувствуя, как его сила становится бесполезной. Они застыли, каждый в своём круге апатии, не в силах пошевелиться. Контраст был жутким: там, на Краю, кипела вселенская буря действия, а здесь, в ловушке, царила буря безволия.

И тут Лова услышал их. Не звуки. Волны. Это были Ловцы. Они не могли физически помочь ему прорваться сквозь щупальца, но они делали то, что умели лучше всего — успокаивали. Они посылали ему в мысли, прямо сквозь нарастающий рёв пробуждения, простые, чистые, якорные образы.

«Спокойствие...» — приходил образ тихого лесного озера на Пим-Старе, каким его видел когда-то Ткач Безмолвия.

«Забота...» — образ птицы, укрывающей птенца крылом, от Гласа Гармонии.

«Радость... что он получит своё...» — и здесь, от Эха Равновесия, мелькнул смутный, но тёплый образ: смех пимков, тот самый, что прозвучал минуту назад.

Это придало Лове сил. Он вспомнил *зачем*. Он нёс не просто вещь. Он нёс возвращение домой. Покой. И радость для того, кто забыл, что это такое.

И в тот самый момент, в кабине «Блинчика», Тик

фыркнул. Звук был таким нелепым в гробовой тишине, что Тук непроизвольно хмыкнул в ответ. Это был первый треснувший лёд. Первая трещина в серой маске апатии. Их смех, нервный и очищающий, был их собственной, маленькой битвой, эхом великой битвы Ловы.

Лова собрал все свои мысли, всю полученную поддержку, всю свою любовь к друзьям и своему дому, в один сверкающий шар намерения. Он пронзил последний слой тумана и оказался в самом сердце бури.

Здесь не было воздуха, но пространство *дышало* — тяжёлым, тёплым ритмом, похожим на биение спящего сердца планеты. Прямо перед ним, пульсируя чёрным светом, зияло ядро пробуждающегося сознания Скуклы — слепая, страдающая бездна.

«Пора домой», — подумал Лова с безграничной нежностью и выпустил её.

Часть 5:

Великое Успокоение

Маленькая, связанная из мягкой пряжи игрушка-осьминожек выплыла из прозрачного тела Ловы. Она казалась бесконечно хрупкой и ничтожной перед колоссальной, тёмной массой пробуждающегося космоса.

И произошло чудо.

Оказавшись в родной среде, в лучах древней, бессознательной тоски, обращённой именно к ней, игрушка *отозвалась*. Она не просто начала расти. Она *преобразжалась*. Её

шерстяные нити и петельки как бы распустились, но не рассыпались. Они превратились в сияющие, живые волокна того же первозданного вещества, что и Паутина, что и щупальца Скуклы. Она переставала быть «игрушкой», забытой вещью. Она становилась *частью*. Утерянной частью.

Может, это была его первая, самая простая мысль, материализовавшаяся в эпоху, когда мысли только учились быть. Может, это был сгусток его собственных снов об уюте, отколовшийся и затерявшийся во времени. А может, это было нечто иное — живое пространство, рождённое от его одиночества, чтобы составить ему компанию, и теперь нашедшее путь назад.

Тайна оставалась. Но факт был налицо: это была его *сущность*.

За секунды она выросла до невероятных размеров, сравнявшись с самим Скуклой, и зависла перед его слепящим внутренним взором, излучая мягкий, зелёно-золотой свет — свет завершённости, свет памяти, свет дома.

Скукла замер.

Его шевелящиеся щупальца, уже готовые в отчаянии крушить всё вокруг, вдруг застыли. Потом, плавно, нежно, с бесконечной, почти невероятной осторожностью, они потянулись не чтобы схватить, а чтобы *обнять*. Они обвили вернувшуюся часть, и древнее сознание, ощутив долгожданную, неведомую даже ему самому целостность, издало вибрацию.

Её нельзя было услышать, но можно было почувствовать

во всём мироздании, от пылинки на окраине галактики до сердца каждого живого существа. Это был *вздых облегчения*.

Вздых такой глубины и чистоты, что он разом затмил собой прежний, тоскливый вздох печали. Это был звук пазла, вставшего на своё место после вечности поисков.

По всей бесконечной Паутине, от самого центра к самым дальним, невидимым уголкам Края, пробежала волна. Но не разрушительная. Исцеляющая. Волна тёплого, изумрудного света. Света покоя.

Тёмный, дымчатый туман тревоги, обволакивавший нити, сжался, зашипел и рассеялся, как ночной кошмар при первом луче настоящего утра. Нитям Паутины вернулось их чистое, стабильное, убаюкивающее сияние. Сон Скуклы из тревожного, рваного и голодного стал *глубоким, мирным и исцеляющим*. Он обрёл форму. Он обрёл покой.

Ловцы, наблюдая это, не исчезли сразу. Они на мгновение сгустились вокруг Ловы, который замер, потрясённый и обессиленный. Их общая вибрация сложилась в одно, ясное, финальное послание:

«Благодарность, маленький храбрый друг. Миссия завершена. Гармония восстановлена. Мы идём отдыхать».

Они вибрировали тихой, счастливой усталостью и добротой. Их вечный танец замедлился, и они стали растворяться в складках реальности, их работа наконец-то сделанная.

А Лова, паря в центре умиротворённой вселенской колыбели, понял простую истину. Именно это — любовь (к себе-

му дому, к друзьям), дружба (странная и беззвучная) и простая забота (даже о том, кого все боятся) — и есть та самая сила, что скрепляет Паутину мироздания. Сильнее любой гравитации, любого страха.

И тут началось самое прекрасное.

ГЛАВА 2: ИСПЫТАНИЕ СЕРОСТЬЮ

Часть 1:

Радость и Беспечность

Кабина «Призрачного Блинчика» пахла счастьем. Точнее, сахарной пудрой, тёплым тестом и земляничным вареньем. Атмосфера лёгкости, которой не ощущали очень давно, была почти осязаемой, как упругий пол под лапками.

— Мы сделали это! — Громко объявил Тик, откидываясь в кресле и закидывая лапки за голову. Его радужный хохолок искрился ярким, лимонным золотом. — Мы нашли, мы доставили, мы... ой, а что это у меня в животе урчит? Кажется, он требует награды!

— Твой живот всегда требует награды, — усмехнулась Зум, поправляя очки-лупы. Но её глаза, обычно холодные и сосредоточенные, сейчас светились усталым, тёплым удовлетворением. — Но он, пожалуй, прав. Силы на исходе. Нужна подзарядка.

Тук только радостно хлопнул себя по животу, отчего раздался глухой, довольный звук, похожий на удар по натянутой барабанной мембране. Его короткий, стальной ирокез выпустил несколько алых искр — знак чистой физической радости.

И тут Тик, как настоящий стратег праздности, достал из потайного отсека свои спрятанные сокровища — несколько помятых бумажных пакетов, бережно припасённых на «самый крайний случай». Края пакетов уже слегка промаслились, источая тот самый, волшебный аромат, который пах Землёй, домом дяди Миши и победой.

— Стратегический запас пончиков от дяди Миши! — провозгласил он, и его голос прозвучал как фанфары. — Одобрено всеми галактическими конвенциями о вкусной, здоровой и абсолютно необходимой после подвига пище!

Зум, понимая, что в хорошем настроении команда и корабль летят быстрее, с улыбкой нажала едва заметную кнопку на панели. Раздался мягкий, едва слышный гул, и в кабине включилась искусственная невесомость.

И началось волшебство.

Из раскрывшихся пакетов, словно румяные, неуклюжие планеты, нарушающие все законы гравитации, выплыли пончики. Настоящие земные пончики! Одни были щедро усыпаны сахарной пудрой, похожей на свежавыпавший снег в долинах Пим-Стар. Другие поблёскивали гладкой, тёмно-коричневой глазурью, в которой, как в спокойном тёмном озере, отражался голубоватый свет приборов. А из самых аппетитных, с золотистой, пузырящейся корочкой, выглядывало алое земляничное варенье, обещая взрыв сладкого, чуть кислого вкуса.

— Ловлю! — закричал Тук, оттолкнувшись от пола и по-

плыв могучими гребками к самому большому, сдобному исполину.

Пир начался.

Тик, поймав пухлое колечко, откусил его с таким блаженством, что целое облачко сахарной пудры окутало его мордочку, сделав похожим на привидение, которое только что объелось сладкого. Он зажмурился:

— М-м-м! Тёплый! Он до сих пор будто тёплый! И варенье... настоящее, кисло-сладкое! Как у дяди Миши в самый лучший день!

— Деликатес! — бубнил Тук, с трудом разговаривая с полным ртом. Крошки падали с его шёрстки и медленно вращались в невесомости. — Энергетическая ценность — выше крыши! Для восстановления мускулов — самое то!

Даже серьёзная Зум не устояла. Она аккуратно поймала маленький, идеально круглый пончик с глазурию, отломил кусочек и медленно прожевала, аналитически оценивая вкус.

— Оптимальное соотношение простых углеводов, жиров и... невероятно вкусно, — заключила она, и все рассмеялись, потому что по её щеке растеклась тонкая, комичная полоска шоколада.

Шепот ела молча, отламывая крошечные, изящные кусочки и наблюдая, как золотистые крошки, словно пыльца волшебных цветов, танцуют вокруг неё в луче света от экрана. Она лишь улыбалась, её сиреневый хохолок мерцал тёплым

розоватым светом. Это был не просто перекус. Это был ритуал. Праздник дружбы после перенесённых вместе тревог, общая, заслуженная радость.

— Эй, Тук, а помнишь, как ты на Планете Пузырей пытался играть в футбол тем самым пузырьём? — хихикнул Тик, ловя плывущую мимо липкую каплю варенья.

— Как же! — засмеялся Тук, и его смех заставил зависший пончик качнуться. — Мячик-то лопнул! Пщщщ-ух! А я так разбежался! Зато было весело.

— А помнишь, Зум, твоё лицо, когда мы влетели в кафе дяди Миши на полной скорости, прямо сквозь стену? — подключился Тик.

— Я рассчитывала траекторию, — с напускной суровостью сказала Зум, но уголки её глаз смеялись. — И, между прочим, рассчитала идеально. Ни одного стула не задела.

Только дядя Миша чуть со стула не упал.

Они делились едой, подкидывая друг другу особенно аппетитные кусочки, поддразнивали и поддерживали. В этой тесной, уютной кабине, парящей в бескрайнем космосе, не было генерала и подчинённых, не было срочной миссии и вселенской угрозы. Были просто четыре друга. Четыре пимка, празднующих маленькую, но очень важную победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.